

ОТ «ЧЕЛОВЕКА ЗА СПИНОЙ БЕЗЫМЕНСКОГО», ИЛИ ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ

Да, еще одна преамбула. Особый случай. Не могу не сказать отдельно о человеке, без которого эта книга не состоялась бы. Речь о нашем выдающемся военном историке и патриархе германистики в советской и российской журналистской среде — Льве Александровиче Безыменском.

Только ли коллеги-соотечественники схватывали налету его слова! Да немецкие газетчики с телевизионщиками после некоторых его откровений начинали землю рыть. В прямом смысле слова. (Так, к примеру, произошло после того, как Безыменский рассказал о месте последнего «погребения» останков Гитлера, Евы Браун, Геббельса с семьей и генерала Кребса в Магдебурге — перед тем, как их окончательно уничтожили огнем и предали извлеченный из него прах небытию возле притока Эльбы реки Бидериц.)

Писатель, историк, публицист — так Льва Александровича обычно представляли издатели, интервьюеры. Но жизнь его была как раз необычного формата, заставлявшего тянуться к нему, учиться у него. Жизнь его была уникальна. Военным переводчиком, прикомандированным к разведотделу штаба Донского фронта, он участвовал в первых допросах фельдмаршала Паулюса еще в разрушенном Сталинграде. Да что там допросы. Незадолго до них именно благодаря Безыменскому и его смекалке советскому командованию удалось выяснить, продолжает ли Паулюс руководить 6-й армией захватчиков или его все-таки вывезли из окружения (были ведь и такие предположения). Переводчику — молоденькому старшему лейтенанту — помог находчивый трюк с переодеванием в тулуп караульного, дежурившего за дверью избы, в которой были размещены пленные подчиненные автора плана Барбаросса. Безыменский на глазах высших офицеров вермахта сыграл продрогшего стражника, зашедшего в дом, чтобы малость обогреться, и «нечаянно прикорнувшего» на лавочке. В ночных разговорах отвоевавшихся немцев постоянно возникали рассуждения о роли командующего 6-й ар-

мией. В общем, кутру советские военачальники знали: Паулюс в городе...

Прямо из блиндажа Жукова в горящем Берлине Лев Безыменский с листа диктовал в Москву перевод письма Геббельса и Бормана, где сообщалось о кончине фюрера. Много ли советских людей узнали об этом раньше него? Сразу после войны в американской зоне оккупации Безыменский — задолго до Нюрнберга — участвовал в допросах Геринга, Деница, Йодля, Кейтеля. Он был одним из немногих историков, знавших историю на ощупь. Он знал ее в подлиннике. Сколько архивных документов перебивало в его руках за долгие послевоенные десятилетия. В самом конце 90-х он вдруг сказал мне: «Все, Сережа. По архивам я, кажется, отбегался». Болезни не давали ему прохода. Но он боролся с ними до конца, не сходя с однажды выбранного пути историка, писателя, публициста. Я не видел, чтобы массивный стол в его домашнем рабочем кабинете был хоть раз свободен от рабочих материалов. Да он ведь не только историю войны писал, но и обнаруживал самую подлинную историю современности, как не без оснований именовали в советское время журналистское ремесло. Лев Александрович не только с фельдмаршалами общался, но и с федеральными канцлерами — Вилли Брандтом, Гельмутом Шмидтом... Саша, дочь Льва Александровича, уже после его смерти, случившейся 26 июня 2007 года, сказала, что в последнее время отец замышлял писать воспоминания. Страничку из них — весьма интересную — мне даже удалось опубликовать.

Мой главный учитель в области германистики ушел, оставив вместо завещания свои замечательные книги. В них его, Львина, доля истории. Мне он подарил много произведений. Одну из его книг я храню как реликвию. Она о Мартине Бормане и называется «Человек за спиной Гитлера». Помню, как Лев Александрович написал на титульном листе со свойственной ему доброй хитринкой в глазах: «Человеку за спиной Безыменского» и протянул книгу мне.

Мы были и вправду очень дружны. Много общались. Жили, можно сказать, в режиме диалога. Телефонные звонки друг

другу ни для него, ни для меня никогда не были неожиданно. Я очень дорожил нашими встречами. От входной двери его квартиры пробирался к его кабинету буквально на цыпочках. Чтобы не вспугнуть... музыку. Приглушенные звуки классики я слышал всегда, заходя к нему в дом, и боялся каким-нибудь нечаянным резким звуком порвать нотную ткань — как в концертном зале. Все наши беседы начинались с музыкальных прелюдий. Завидев меня, Лев Александрович бережно приостанавливал мелодию.

Музыка не оставляла его всю жизнь. Думаю, об этом знали немногие. Он не забыл о ней даже при спецосмотре логова Гитлера — берлинской рейхсканцелярии, куда он был направлен вскоре после краха Третьего рейха с группой офицеров. Таким, как он, посетителям были предложены сувениры на выбор. Другие брали на память посуду с гитлеровскими вензелями, столовые приборы. А он попросил... грампластинки. Записи с великими произведениями в исполнении выдающихся оркестров. Саша, Александра Львовна, показывала мне эти «трофеи» — со штампом «Ставка фюрера».

В одну из наших встреч Лев Александрович вдруг приоткрыл мне никогда не брезжившую в моем сознании перспективу. «Пора бы тебе садиться за книгу», — произнес он. И вот на эту-то высшую с его стороны оценку моих профессиональных усилий я — от внезапности что ли? — отреагировал, мягко говоря, неподобающим образом. Что-то несусветное промямлил: мол, на работе и без того хлопот полон рот. А может, с перепугу — сродни ученическому перед мэтром — воспринял его слова как вызов: дескать, слабо? Вызов-то, вероятно, и прозвучал, но ведь с его извечной, как я уже говорил, доброй хитринкой. К сожалению, та наша встреча была последней. Болезнь беспощадно укоротила его жизнь.

А ведь в этой моей книге Лев Александрович мог бы с полным правом смотреть и на результаты своего труда. Сколько же он в меня вложил. Сколько на первых порах подарил тем, дал подсказок относительно выхода на того или иного интересного собеседника. Сколько наших разговоров оборачивались полноценными интервью с ним, без труда находившими путь

на страницы газет. Сколько было «разборов полетов» после возникновения чувства окрыленности успехом — без единого недоброго и уж тем более бранного слова, впрочем. Его мировосприятие историка, безусловно, воздействовало на меня как некое подобие ауры, заставляя при рассмотрении сиюминутных явлений постоянно отслеживать связь времен. Постепенно я приходил к тому, что мне без историчности в подходе в новой книге никак не обойтись. Не обойти историю — хочешь ли того или нет. За последние десятилетия в современной историографии выкристаллизовалось направление, которое на английском языке называется *oral history*. Устная история, значит. Она уже пустила корни и на российской почве. Это история, которая зиждется на высказываниях, суждениях, мнениях каких-то исключительных фигур или, напротив, самых что ни на есть типичных представителей своего времени. А если оглянуться на наслоившуюся за долгие годы гору интервью и бесед, которые автору довелось организовать и провести, то невольно приходишь к мысли, что этой устной истории у меня, что называется, полные карманы. Много новых книг о Германии появляется ныне на прилавках. Но главной темой остается Война. Как и много-много лет тому назад. На эту тему мне тоже есть что привнести в общую копилку летописей. Но в силу возрастных возможностей лично видеть и переживать мне, естественно, ближе та новая эпоха, которая открылась для Германии благодаря нашей Победе. Обозначилась она под скрип и лязг тюремных дверей, захлопнувшихся за главными нацистскими преступниками. С этого, пожалуй, и стоит начать. Ведь это — точка отсчета.

По уже понятным читателю причинам заглянуть в глаза нацистским нелюдям мне не довелось. Это сделал Лев Безыменский. Таким образом, судьба оказалась благосклонной ко мне, человеку за его спиной. Вид на Геринга, от страха едва не разбившего зубами стакан, мне открылся как бы из-за его, историка, плеча. В гнусную пухлую морду я всматривался глазами Безыменского, когда мы беседовали о его памятной поездке в американскую оккупационную зону. И мне кажется вполне естественным в начале книги предложить эту точку обзора

читателю. Я хочу донести до него тот разговор с Львом Александровичем, закономерно оформившийся затем в газетное интервью. Тем самым я переступаю границу жанра, и вторая преамбула, кому-то, может, показавшаяся избыточной, перерастает во вступительную главу. Перерастает, на мой взгляд, в безусловность. Я только прошу читателя не воспринимать последующий текст как мое интервью с Безыменским. Давайте договоримся: это его разговор со мной.

* * *

Разместившиеся в джипах пять советских офицеров, среди которых был и капитан фронтовой разведки Лев Безыменский, отнюдь не выглядели ангелами-мстителями, отправляясь в далекий рейд на оккупированную американцами территорию Германии и далее — в Люксембург, где в союзническом плену довольно вольготно обустроились те, по ком Нюрнбергский трибунал плакал: Геринг, Дениц, Йодль, Кейтель, Кессельринг. Но одного появления людей в советской военной форме на роскошном люксембургском курорте Бад-Мондорф было достаточно, чтобы в души главарей Третьего рейха закрался ужас. Под охраной американцев придворные Гитлера еще на что-то надеялись. И вот... Русские, оказывается, никуда не делись. Они уже здесь. Они ведут допросы! Значит, союзники по-прежнему держатся вместе. Значит, сегодня курорт, а завтра — эшафот.

Официальная миссия пяти советских офицеров заключалась в проведении допросов тех представителей политической и военной верхушки рейха, которые оказались в плену или, скорее, под опекой у американцев. Но в действительности вопрос стоял шире. Американские спецслужбы последовательно «снимали» со своих пленников информацию жизненно важного военного, политического, экономического и прочего плана. Наших же дознавателей к ним не подпускали на пушечный выстрел. Поэтому вопрос приобретал политический характер. Поездка советских офицеров в Бад-Мондорф стала недвусмысленным напоминанием американцам о нашем праве на равных участвовать в решении всех вопросов послевоенного устройства Германии,

в том числе и вопроса о судьбе главных нацистских преступников. С учетом того, что некоторые договоренности между Советским Союзом и западными державами соблюдались в ту пору уже далеко не всегда, предстояло устроить партнерам-союзникам, говоря по-русски, проверку на «вшивость».

Инициатором акции стал легендарный разведчик — в ту пору полковник — Александр Коротков, которого впоследствии назовут «королем нелегалов» (в будущем он возглавит святая святых советской разведки — службу нелегалов, знаменитое управление «С», а затем представительство КГБ СССР при МГБ ГДР). В ту пору Коротков заводил контакты с американцами под своей настоящей фамилией, всячески сбивая их с толку относительно тех задач, которые он решал — да хоть, к примеру, «пушками» артиллериста на своих погонах полковника. Короткову удалось внушить американцам, что они имеют дело с высокопоставленным офицером, входящим в ближайшее окружение маршала Жукова, который пользовался у союзников огромным авторитетом.

На приеме в штаб-квартире Дуайта Эйзенхауэра во Франкфурте-на-Майне маршал Жуков вручил ее хозяину, командующему экспедиционными силами союзников в Германии, орден Победы. Непринужденная обстановка на приеме вполне способствовала тому, чтобы Коротков использовал благоприятную атмосферу, «столкнувшись» с начальником разведки штаба Эйзенхауэра Стронгом. Завязал светский разговор. В конце его очарованный умницей Коротковым Стронг (вероятно, сам не отдававший себе отчета, почему он это сделал) дал согласие на допрос советскими офицерами содержащихся в плену у американцев высших должностных лиц и военных руководителей нацистской Германии. Железо предстояло ковать, пока оно еще не остыло.

Срочно была создана та самая группа офицеров-дознателей из пяти человек, в задачу которой, помимо допросов, входило, между прочим, и ведение визуальной разведки на оккупированных союзниками территориях.

Настала пора назвать по именам участников той акции, за которую Лаврентий Берия лично отчитывался перед Ста-

линым и Молотовым. Начальником группы был назначен полковник госбезопасности Поташов. В его распоряжение были выделены полковник Смыслов (от разведотдела штаба 1-го Белорусского фронта, непосредственный начальник капитана Безыменского), полковник разведотдела Военно-морского флота Фрумкин и в качестве переводчицы майор государственной безопасности Френкина.

— *Лев Александрович, на основе вашего отчета о состоявшейся поездке было составлено донесение на самый «верх». Я видел его копию. Грифы — «Особая папка», «Совершенно секретно», «Без права публикации». Но однажды кто-то все-таки шлепнул на документ штамп «Рассекречено». Почему же все-таки визит группы Поташова «в гости» к Герингу, Деницу и прочим не был до сих пор отображен ни в одной из ваших многочисленных книг и еще более многочисленных журнально-газетных публикаций о Второй мировой войне?*

— В какой-то мере вы сами ответили на ваш вопрос. На довольно долгое время этот эпизод угодил в обойму засекреченных. У меня, конечно, были личные записи, но с запретом приходилось считаться. В последующем эта история по тем или иным причинам не вписывалась в композицию всего того, что я писал. Вы же сами знаете, что не всякое лыко — даже необычайно интересное — органично вписывается в строку. Эпизод, безусловно, интересен. Но здесь, видимо, еще нужно сказать о моем личном отношении к нему. Мера ответственности, конечно, была чрезвычайно высока. Я еще никогда не переводил допрос поверженных врагов нашей страны такого уровня. Я, конечно, переводил в Сталинграде плененного генерал-фельдмаршала Паулюса. Но это все-таки был военачальник, командовавший объединенными в 6-ю армию дивизиями на, так сказать, «отдельном участке» фронта.

Возможность впервые слушать и переводить допросы высших чинов Третьего рейха была сама по себе, разумеется, уникальной. Но я лишь многие годы спустя осознал: я был при этом, я был при этом. А тогда я чувствовал себя рядовым офицером, переводчиком и разведчиком, перед которым постави-

ли — да, важную, да, ответственную, но всего лишь очередную задачу. И я думал не о какой-то своей сопричастности истории, а лишь о том, как эту задачу добросовестно выполнить. Точно такой же настрой был и у остальных членов группы.

— Не была ли ваша миссия авантюрой, эдаким гусарством? Чего стоило слово американского офицера и даже джентльмена от американской разведки, если оно не было подкреплено какими-либо письменными гарантиями?

— Нет, это была не совсем авантюра. В некотором смысле это была проба сил. Своего рода разведка боем. Согласие ведь все-таки имелось, хотя и устное. Не было абсолютной уверенности в том, во что оно конкретно выльется. Могли ведь нас и развернуть. Мало ли что там Стронг сболтнул не подумав... Вот на приблизительно такой неутешительный финал нашей миссии настраивала нас поначалу реакция обитателей штаба союзных экспедиционных сил во главе с начальником штаба генерал-лейтенантом Смитом во Франкфурте-на-Майне, когда наша делегация, используя фактор внезапности, вдруг объявилась у американцев на пороге. Серьезность наших намерений подтверждалась запиской за подписью начальника штаба фронта Малинина, в которой указывалось, что по договоренности с генералом Стронгом мы прибыли для допроса германских военнопленных.

Что тут началось! Начальник штаба Эйзенхауэра Смит заявил Поташову, что Стронг не уполномочен решать такие принципиальные вопросы и не имел права давать согласие на допрос военнопленных. Как бы между прочим он поинтересовался, каким маршрутом ехала наша группа и где производилась проверка документов американскими постами. Как можно было понять из телефонного разговора Смита со Стронгом, последний слабо отбивался от упреков, оправдываясь тем, что не давал согласия на допросы, а лишь сказал, что можно провести переговоры на сей счет. Даже если это было действительно так, наша напористость возымела свое действие. Положив трубку, Смит сдался, сказав, что для офицеров маршала Жукова «все можно». Но при этом в жестких тонах продиктовал четыре условия:

работу закончить в течение 48 часов; никаких сведений, полученных от военнопленных, не публиковать; копии всех протоколов допросов передать ему; на допросах обязательно присутствие американских офицеров, которые будут сопровождать нас повсюду. Далее выяснилось, что пленные находятся не во Франкфурте, а в Люксембурге, куда нам было предложено либо вылететь, либо выехать. Мы предпочли продолжить путь на джипах, а насчет требования передачи американцам протоколов допросов придумали одну уловку, которая помогла нам оставить их с носом.

— *Вы увидели в Бад-Мондорфе исхудавшего Геринга, обесилевших от психологической подавленности Кейтеля, Йодля, Деница?*

— Отнюдь. Все они выглядели вполне удовлетворительно. Они же на курорте проводили время, чтобы не сказать — отдыхали. Жили в прекрасном четырехэтажном отеле. У каждого отдельный номер. Все пленные генералы с фельдмаршалами — при погонах и нагрудных знаках со свастиками, свидетельствовавших о принадлежности к вооруженным силам. Вот только ордена им приказали снять — и не по каким-то там идеологическим соображениям, а просто потому, что они могли быть использованы в качестве колющих или режущих предметов. По той же причине не разрешалось ношение очков. Ну ничего, ложку мимо рта они тем не менее не проносили. Кормежка трехразовая. Все комнаты с нормальными бытовыми удобствами. Здание отеля ведь не было переоборудовано. Лишь на окнах установили легкие решетки чисто декоративно-го характера. Вот только освещения в помещениях господ генералов и фельдмаршалов не было. Ну да им в июне продолжительности дня более чем хватало.

— *В чем состоял смысл допросов? Насколько податливы были допрашиваемые? Как вам вообще работалось как переводчику?*

— Во-первых, как я уже сказал, нам удалось обвести американцев вокруг пальца касательно их претензий на копии

протоколов допросов. Полковник Поташов заявил, что ввиду ограниченности во времени мы лишены возможности вести протокольную запись. Все!

На самом же деле протоколы нам удалось составить. Ведь переводчиков было два: майор Френкина, которая прекрасно знала язык и разбиралась в тематике (она, как нам говорили потом, была личным переводчиком Берии), и я. Пока один из нас переводил, другой быстрописьму записывал содержание ответа. Вечером эта сделанная почти со стенографической точностью запись расшифровывалась. Но не печаталась, поскольку машинки у нас не было. Мы, как я сейчас вижу, очень добросовестно выполнили свою задачу. Тем более что допрашиваемые нам в этом активно помогали. Они говорили очень медленно, тщательно обдумывая каждое слово. Особенно Геринг. Так что переспрашивать не приходилось.

В соответствии с поставленными руководством задачами в ходе допросов на первый план выдвигались такие вопросы, как причины войны, цели Германии в войне, зверства по отношению к гражданскому населению оккупированных территорий, личное отношение к агрессии. Сложность задачи заключалась в том, что на все про все американцы выделили нам только сорок восемь часов. Но еще большую сложность представляло то обстоятельство, что пленные не были изолированы друг от друга, а имели достаточно возможностей для встреч — во время приема пищи, во время шахматных баталий и других игр. То есть у нацистских военных преступников наличествовали все условия для того, чтобы договориться по всем вопросам показаний. Естественно, что за двое бессонных суток — при опросе 10 военнопленных — мы могли охватить только малую толику вопросов, касавшихся ведения Второй мировой войны. Но именно ответы на эти вопросы особенно интересовали политическое и военное руководство страны. Знаете, стратегам всегда важно убедиться постфактум, в чем они верно рассчитали свои действия, где ошиблись, где спланированные ими операции дали наибольший эффект с наименьшими потерями и т.д. Это все, что называется, зарубки на будущее. Пленных немцев мы должны были расспросить и о созданных в Герма-

нии подпольных организациях для борьбы с Красной армией, и о структурах, оставленных для подрывной деятельности на нашей территории. Я, честно говоря, не могу сейчас, к примеру, ответить, насколько был искренен изовравшийся на допросах Геринг — рейхсмаршал, главнокомандующий военно-воздушными силами Германии, — когда он заявил на допросе, что результатами заброски разведгруппы посредством специально выделенной им для Канариса и Шелленберга эскадрильи никогда не интересовался. Мол, о наиболее интересных полетах ему рассказывали летчики. Насколько-де он помнит, самый дальний полет был осуществлен в район Байкала.

Что же касается перипетий войны, то особенно интересно было услышать показания пленных генералов об их просчетах во время Сталинградской битвы, о безнадежно глупых ошибках германского командования под Курском, где полным крахом закончилась операция «Цитадель» (в ходе нее Гитлер практически хотел повторить то, что советские войска совершили под Сталинградом). Было, конечно, очень приятно услышать подтверждение и выводов, и прогнозов, к которым советская разведка приходила в ходе войны. Это всегда очень важно для определения соотношения сил, а главное — дееспособности разведок воюющих сторон.

— *Лев Александрович, а как вели себя главари рейха на допросах?*

— Геринг, увидев перед собой трех советских полковников, тут же попросил воды и долго стучал зубами о стенки стакана. Если бы я не видел этой картины, то, наверное, не поверил бы в образ покойного Евгения Лебедева, изображавшего на сцене нечто подобное, или в персонаж из фильма «Не может быть!», блестяще сыгранный Михаилом Пуговкиным. Геринг был в ужасе. Своему сопредседателю на «нарах» с мягкими перинами курортного отеля генералу артиллерии Вальтеру Верлимонту — это доподлинно известно — Геринг сознался в своей трусости: «Я боялся, что меня прямо отсюда, из Бад-Мондорфа, заберут и отвезут в Москву». Когда же он убедился в том, что его опасения напрасны, что идет обычный допрос, бывший рейхсмар-

шал, долгое время официально числившийся нацистом номер два, приободрился. И стал заурядным нахалом. Шутом гороховым с претензией на остроумие. На вопрос о том, были ли у Гитлера двойники, решил отделаться шутовской тирадой, надеясь на успех в юмористическом жанре. Мол, у Гитлера двойников не было. Но он-де не может исключить, что и были. Гитлеру, мол, было легче. А вот ему (читай: жирному) попробуй подбери. «Ну разве вот этот сгодился бы», — кивнул Геринг на не понимающего ни немецкого, ни русского языка толстого американского охранника. «Шутка юмора» нациста номер два почему-то не снискала благодарной реакции слушателей.

Совсем по-другому вел себя на допросах Вильгельм Кейтель, фельдмаршал, начальник штаба вооруженных сил Германии. Мы знали, что его сослуживцы присвоили ему унижительное прозвище Лакей-тель. Лакей, одним словом. И это «звание» фельдмаршал в полной мере оправдал во время наших допросов. Этот, с позволения сказать, военачальник на допросах был сама подобострастность. Кейтель любыми способами пытался продемонстрировать свою услужливость по отношению к следствию, обратить внимание на то, как подробно и обстоятельно он отвечает на поставленные вопросы, хотя на самом деле ничего существенного он не сказал. Главная его позиция по отношению к проигранной войне — и она была свойственна всем допрашиваемым: мы лишь выполняли приказы. Более того, они были готовы представить себя чуть ли не жертвами произвола Гитлера, что они, мол, видели всю гибельность его планов агрессии против СССР. На Гитлера теперь можно было свалить все что угодно, поскольку того не было в живых.

Несколько иное, чем Кейтель, и, я бы сказал, наиболее серьезное впечатление произвел на нас бывший начальник штаба оперативного руководства генерал-полковник Альфред Йодль, находившийся у Гитлера в непосредственном подчинении. Поразили его феноменальная память и знание буквально всех больших и малых поворотов войны. Раньше я называл его живым арифмометром, а теперь бы, наверное, мог уподобить компьютеру. Он держал в голове цифры соотношения наших и немецких сил, а также войск союзников на всем протяжении

военных действий, на разных этапах и участках, он мог свободно ими оперировать. Мы проверяли потом все эти факты и цифры, и все они оказались соответствующими действительности.

Довольно комичное впечатление произвел гросс-адмирал Карл Дениц — в соответствии с политическим завещанием Гитлера глава германского правительства, то есть преемник фюрера. Когда допрос уже близился к концу, он вдруг заявил нам: «Господа, я хочу сделать особо важное заявление». Мы переглянулись, и проводивший допрос полковник Фрумкин сказал: «Ну пожалуйста». Дениц выставил условие: «Я могу сделать это заявление только представителю Военно-Морского Флота и только с глазу на глаз». Фрумкин был моряком, и мне, переводчику, пришлось отойти с ним и Деницем в дальний угол комнаты. «Мы все внимание», — сказал Фрумкин. И Дениц решил нас ошарашить: «Я могу вам раскрыть величайшую тайну: почему Германия проиграла войну». Я напряг весь свой слух. Дениц молвил: «Потому, господа, что мы слишком поздно, с опозданием на полгода, изобрели шноркель». Ни для Фрумкина, ни для меня в сообщении о шноркеле не было ничего нового. Это знакомое морякам устройство для забора воздуха и выпуска отработанных газов, обеспечивающее работу дизелей подводных лодок на перископной глубине. Ну а попытка гросс-адмирала шокировать нас подобной информацией выглядела откровенной глупостью и лишней раз подчеркивала примитивный уровень его интеллекта. Шноркель решил исход войны! Этой колоссальной военной, политической, идеологической битвы, которую навязал миру германский фашизм? Ну это, знаете, достойно стать классикой шизоафоризмов, или просто шизофренизмов. Какая-то недалекость в мышлении, ограниченность — отнюдь не деланная, совсем не похожая на попытки ваньку валять, — надо сказать, была присуща практически всем допрашиваемым. И это в какой-то мере явилось для нас неожиданностью. Их речевой словарь был довольно скуден, я бы даже назвал его убогим.

— После войны на долгое время в отечественной литературе и особенно в кино утвердился образ фашиста как неис-

правимого недоумка. Вот и вы спустя много лет — фактически о том же. Как же увязать это с тем, что немцы дошли практически до Москвы?

— Наибольшее недоверие вызвали ответы Геринга. Этот нацистский бонза, внешне малоподвижный, вертелся как уж на сковородке. Гипотетически он единственный, пожалуй, в тот момент мог вызвать у нас какое-то чувство снисхождения. У него было нечто вроде ломки в процессе отвыкания от морфия. (На иглу он, как известно, «подсел» еще во время Первой мировой, но не по доброй воле, а в госпитале, где ему вводили наркотик в качестве обезболивающего. — *Прим. авт.*) Но своим вызывающим поведением, граничащим иногда с хамством, он лишил себя шанса на наше особое к нему отношение. Мыслил он, несмотря ни на что, ясно. И так же ясно врал. К примеру, он заявил, что узнал о предстоящем нападении Гитлера на СССР якобы всего лишь за полтора-два месяца до начала войны. Чушь. Мы прекрасно знали, что приказ о подготовке к войне против СССР был издан Гитлером в декабре 1940 года и был разослан главнокомандующим сухопутными войсками, флотом, авиацией. Как нацист номер два и рейхсмаршал авиации Геринг не мог не получить этого приказа.

Когда его спросили об отношении к расовой теории Гитлера, то он попытался выдать себя за «друга евреев» и даже пожаловался на «неприятности в партии», которые он вследствие этого якобы имел. Соврал Геринг и тогда, когда заявил, что умерщвленный немцами в Бухенвальде Эрнст Тельман якобы погиб во время воздушного налета союзной авиации на лагерь. Ловко ушел он и от ответа по поводу былых широковещательных заявлений о том, что ни одна бомба не упадет на Берлин. Не менее искусно Геринг свалил на Гитлера провал подчиненной ему авиации на решающей стадии Сталинградской битвы.

«Вы сами бывали на Восточном фронте?» — спросили Геринга на допросе. И что, вы думаете, он ответил? «Я был в России очень недолго. Знаю только один русский город — Винницу. В Винницу я приезжал не по военным делам, а потому что меня интересовал театр». Уточняющий вопрос, не идет ли все-таки речь о театре военных действий, выглядел излишним.

— *Считаете ли вы миссию вашей группы удавшейся?*

— Я считаю ее выполненной. Потому что все поставленные цели были достигнуты. Мы в доступной нам форме провели явно нежелательный для американцев зондаж их позиций по поводу дальнейшего взаимодействия союзников. Коротков действительно очень удачно использовал момент. Ведь позже наша поездка могла и вовсе не состояться. И не вставал бы вопрос о том, насколько удачной она была.

Мы ничем не испортили отношений. Нас не выдворили, приняли, допустили к пленным. Уже одно это немало значило для нашего руководства. Хочу подчеркнуть: в том числе и для высшего руководства. Ведь мелкие трения уже имели место в Контрольном совете. Это походило на противостояние, чреватое конфликтом. Но пока оно еще сглаживалось дипломатической и политической вежливостью. Потому записка Берии о нашей поездке легла на стол Сталина и Молотова в предельно краткие сроки.

Конечно, информация, которую мы получили в ходе допросов, не содержала открытий чрезвычайной важности. Но мы этого и не ждали. Во-первых, в нашем распоряжении было только 48 часов, чтобы допросить десять пленных. Во-вторых, эти пленные находились не в наших, а в американских руках, что давало допрашиваемым своеобразную психологическую фору. В-третьих, пленные не были изолированы друг от друга, что предоставляло им возможность выработать единую линию поведения на допросах. И все-таки уехали мы из Бад-Мондорфа не с пустыми руками. А главное — мы поняли, с кем имеем дело. И с кем будем его иметь во время работы Международного военного трибунала. А вы думаете, во время Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками Геринг и компания не лгали и не изворачивались?

Правда, им это не помогло.

Глава I

С ВОЙНОЙ ПОКОНЧИЛИ МЫ СЧЕТЫ... А ВЫ?

ДОН КИХОТ, ПРАВНУК БИСМАРКА

«Послушайте правнука Бисмарка!» — с таким призывом наша фронтовая пропаганда обратилась к солдатам вермахта в момент перехода Красной армии в наступление под Сталинградом. Семь с лишним десятилетий спустя у автора есть все основания обратиться с тем же предложением к читателю. Наша встреча с прямым потомком «железного канцлера» произошла в Мюнхене.

Он из породы людей, неудобных во все времена, — для большинства. Он всегда думал и жил поперек — граф Хайнрих фон Айнзидель. Лишь однажды, в самом начале сознательной жизни, он пошел вместе со всеми — в поход гитлеровского вермахта на восток. Пошел поперек воли своего знаменитого предка Бисмарка, который меньше всего искал конфликта с Россией. К 30 августа 1942 года на счету Айнзиделя, почти мальчишки с лейтенантскими погонами, истребителя третьей воздушной эскадры «Удет», были уже 32 личные победы над нашими летчиками. В тот предпоследний день лета его «Мессершмит» сбили под Сталинградом.

В плену Айнзидель становится вице-президентом Национального комитета «Свободная Германия». Легко ли стать антифашистом, попав в руки врага? Для многих было легко. «Кашистами» называли в лагерях немецкие военнопленные тех своих соотечественников, которые перековывались в «антифашистов» в одночасье — за миску каши. Для Айнзиделя все было мучительно непросто. Но он уже не слушал других. Он слушал только себя. За это Геббельс в своих дневниках назвал его «одним из отвратительнейших подстрекателей дворянской клики».

Он не поддакивал в комитете замшелым коммунистам вроде Ульбрихта. Он уже тогда был инакомыслящим. Точнее, просто мыслящим человеком. Он восторгался глубиной критического анализа капитализма Маркса, но задыхался в душливой атмосфере социализма Сталина. Он не боялся возразить некоторым нашим политкомиссарам — ходячим сталинским цитатникам, — когда те только мешали ему орга-

низовать по-настоящему эффективную антифашистскую пропаганду на нашей передовой. За рассказанную в Москве правду об увиденных воочию в Восточной Пруссии преступлениях красноармейцев — было это, было, хотя командование с этим всячески боролось — он только чудом не поплатился головой.

Уже после окончания войны его вызвали — непонятно, для чего: допроса или беседы? — и сказали: «Поезда у нас ходят как на запад, так и на восток...» И посмотрели испытующе. Он спокойно ответил: «Я всегда это знал».

В послевоенные годы он несколько лет работал в Германии в нашей оккупационной зоне сотрудником советской газеты, издаваемой для немцев. В апреле 48-го он попросился в отпуск в западный сектор — в Висбаден. Это было вызовом. Но его отпустили. Едва простившись с жившей в Висбадене матерью, он был арестован американцами. Месяцы тюрьмы. Живые ассоциации на допросах, напоминавших практику НКВД. Когда обвинения в шпионаже в пользу СССР были сняты, он мог остаться. Но он вернулся в нашу зону. И здесь к нему в который раз поступил НКВД — на этот раз с попыткой завербовать в качестве осведомителя. Только после этого он упаковал чемоданы и покинул восточный сектор Берлина. Газета «Нойес Дойчланд» все расставила тогда — в 49-м — по своим местам: граф Айнзидель «как обедневший дворянин представляет собой не более, чем мелкого буржуа, который при обострении классово-борьбы опускает руки, начинает хныкать и перебегает в другой лагерь». Об Айнзиделе в нашей стране было приказано забыть, хотя он на всю жизнь остался ее искренним другом. «Для русских друзей у меня всегда есть время. Приезжайте», — сказал он, когда я позвонил ему из Москвы в Мюнхен, чтобы попросить об интервью.

О том, что произошло с ним, Айнзидель написал очень честную книгу. (Выдающийся немецкий философ-экзистенциалист Карл Ясперс говорил: Айнзидель «пишет с безоглядной честностью».) В ней он рассказал о том, как трудно было — после развала империи, созданной его прадедом, после крушения Веймарской республики, после провала авантюры Третьего рейха — не впасть в искушение коммунизмом. Книга так и называется: «Дневник искушения. 1942–1950».

Уникальная судьба. Уникален был круг друзей этого человека — живых и уже ушедших: от Маркуса Вольфа, которого на Западе называли самым блестящим организатором разведки в бывших странах восточного блока, его брата Конрада Вольфа, выдающегося кинорежиссера, до уехавшего практически одновременно с ним на Запад Вольфганга Леонгарда, считающегося одним из самых серьезных «кремленологов», до Льва Копелева — пожалуй, самого известного из советских диссидентов, живших в Германии.

В ФРГ Хайнрих фон Айнзидель писал книги, сценарии, занимался переводами. Имея семью, двоих сыновей, мог бы спокойно провести старость... Но он неожиданно для многих включился в борьбу как кандидат Партии демократического социализма на предстоявших в 1994 году выборах в бундестаг. Представлять интересы практически восточногерманской партии, которой официальный Бонн клеил ярлык «наследницы СЕПГ», живя в Мюнхене, — это было не просто диссидентство, это было донкихотство. Но ведь он всегда думал и жил поперек. И по совести. И он победил, вписав в свою автобиографию еще одну интереснейшую строку: он стал старейшиной бундестага.

— *Легко ли, господин Айнзидель, оставаться самим собой в глазах других, будучи правнуком Бисмарка?*

— Я как-то не очень задумывался над своим происхождением, пока рос. Но вот когда мой истребитель сбили под Сталинградом, то уже через час на допросе мне пришлось рассказывать о ближайших родственниках. Скрывать имя матери у меня не было особых причин: графиня Бисмарк. Буквально на следующий день по советскому радио прозвучала победная режиссия — пленен правнук Бисмарка. Сообщения об этом появились в «Правде», «Красной звезде». С тех пор и повелось. Конечно, только благодаря родословной я, тогда молодой лейтенант, был избран вице-президентом Национального комитета «Свободная Германия». С тем, что я правнук Бисмарка, я и сегодня ничего не могу поделать. Тем более, что так оно и есть.

В 1944 году, после того как я, вернувшись из Восточной Пруссии, поведал членам Национального комитета о том, как